

Белов Алексей Николаевич, студент бакалавриата, кафедра истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет. Научный руководитель — кандидат исторических наук, доцент Т. Н. Гончарова.

E-mail: st106249@student.spbu.ru, alexis-de-belois@mail.ru

ВОЙНА ИЛИ ПЕРЕМИРИЕ? РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И НАПОЛЕОН В 1805–1806 ГГ.

Данная статья призвана продолжить исследование «От консула Бонапарта к императору Наполеону: взгляд из России», затрагивая дальнейшее развитие указанного сюжета. В работе рассматривается период от начала войны III коалиции до очередного вооруженного противостояния осенью 1806 г. Это позволяет провести компаративный анализ двух этапов в развитии общественных настроений: фазы открытых военных действий и времени, когда боевого столкновения не было из-за отсутствия у воюющих сторон общей границы. Опираясь на данные разных типов синхронных источников: публицистики, периодической печати и дневников, автор приходит к выводу о значительном и неравномерном изменении общественного мнения о французском лидере в данный период. Его главной причиной стала активизация государственной пропаганды, произошедшая после поражения под Аустерлицем. Если до этого события о Бонапарте старались по возможности не говорить вовсе, то после — была рождена полноценная идеологическая система, направленная против императора французов. Постепенно выстраиваемая Александром I и высшей бюрократией, она создавалась с целью мобилизации российского общества в преддверии нового конфликта. При этом ее догматическое происхождение велось от уже существовавшей традиции порицания Наполеона с либерально-республиканских позиций, его противопоставления французской нации. Автором также сделаны некоторые наблюдения о технической составляющей работы отечественной пропаганды. Для достижения своих тактических целей русская периодика прибегала к самым разнообразным приемам, свидетельствующим о ее гибкости и эклектичности, а также прямой приверженности официальной позиции государства.

Ключевые слова: Наполеон I, Александр I, Аустерлиц, русское общество, публицистика, периодика.

Belov Aleksei Nikolaevich, student of Baccalaureate, Institute of History, the Chair of Modern and Contemporary history, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation. Scientific adviser — PhD in History, Docent T. N. Goncharova.

E-mail: st106249@student.spbu.ru, alexis-de-belois@mail.ru

WAR OR TRUCE? RUSSIAN SOCIETY AND NAPOLEON IN 1805–1806

This article is intended to continue the study "From Consul Bonaparte to Emperor Napoleon: view from Russia", touching on the further development of this topic. The work examines the period from the beginning of the War of the Third Coalition to the next armed conflict in the autumn of 1806. This allows for a comparative analysis of two stages in the development of public sentiment: the phase of open military actions and the time when there was no confrontation due to the absence of a shared border between the opposing parties. Based on data from various types of simultaneous sources: journalism, periodicals and diaries, the author comes to the conclusion about a significant and uneven change in public opinion about the French leader during this period. Its main reason was the intensification of state propaganda that occurred after the defeat at Austerlitz. If before this event they tried to avoid talking about Bonaparte at all, then after — a full-fledged ideological system was born, directed against the Emperor of the French. Gradually built by Alexander I and the highest bureaucracy, it was created to mobilize Russian society on the eve of a new conflict. At the same time, its dogmatic origins were derived from the already existing tradition of criticizing Napoleon from liberal-republican positions, opposing him to the French nation. The author also made some observations about the technical component of the work of domestic propaganda. To achieve its tactical goals, Russian periodicals used a wide range of methods, demonstrating their flexibility and diversity, as well as their commitment to the official state position.

Keywords: Napoleon I, Alexander I, Austerlitz, Russian society, journalism, periodicals.

В предшествующей работе мы пришли к выводу о коренной трансформации отношения русского общества к Бонапарту, случившейся в результате принятия последним императорского титула¹. Очевидно, тенденции к

¹ *Белов А. Н.* От консула Бонапарта к императору Наполеону: взгляд из России // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2023. № 23 (2). С. 46–48.

порицанию Наполеона как с либерально-республиканских, так и с консервативных позиций наметились задолго до начала войны III коалиции². Тем не менее, их развитие во время конфликта и сразу после него представляет особый исследовательский интерес и требует более детального рассмотрения.

Война III коалиции: русский взгляд

По мере эскалации военных действий закономерно распространялось негативное восприятие императора французов. В немалой степени это обусловлено интенсификацией работы государственной пропаганды. Представленное Александру I за год до войны сообщение главного директора почт Д. П. Троцинского о необходимости антинаполеоновской кампании в прессе не получило должной практической реализации. Поэтому 16 сентября 1805 г. лично государем был утвержден схожий доклад А. Чарторыйского, занимавшего тогда должность министра иностранных дел. Он предполагал не только «внешнюю» агитацию против врага, но и суровое «надзирание над журналами» и газетами, издававшимися на территории России³. В результате уже в начале вооруженного противостояния контроль над русской периодикой и публицистикой полностью перешел в руки государства⁴.

Впрочем, использовался он не вполне оперативно и эффективно. В последнем квартале 1805 г. не вышел ни один из значимых политическихopusов, посвященных Наполеону и французам. Очевидно, организовать их написание, печать и распространение в столь короткие сроки не представлялось возможным. Более того, не до конца был понятен дальнейший вектор российской внешней политики. По всей видимости, предполагалось, что ключевую роль в русско-французском противостоянии сыграет солдатский штык, поэтому и к помощи пропаганды прибегали лишь по мере необходимости.

Похожим образом данное обстоятельство коснулось статей, издававшихся в «Вестнике Европы» — важнейшем политическом журнале тех лет. На его страницах значительно сократилось количество информации о Наполеоне. Чаще всего император французов там упоминался в свете своих военных приготовлений, без какой-либо эмоционально окрашенной оценки⁵. Гораздо

² *Жаринова Д. А.* Первые войны с Наполеоном и русское общество // Отечественная война и Русское общество: в 7 т. Т. 1. М., 1911. С. 199–200.

³ Попытка к борьбе с Наполеоном при помощи периодической печати (сообщил Н. Д.) // Русская старина. 1903. Март. С. 437.

⁴ *Сироткин В. Г.* Наполеон и Александр I: Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М., 2003. С. 377.

⁵ Напр. Известия и замечания // Вестник Европы. 1805. Ч. XXIII. № 19. Октябрь. С. 235–239; Известия и замечания // Вестник Европы. 1805. Ч. XXIII. № 20. Октябрь. С. 310–316; Дневная записка о вступлении французской главной армии в Германию // Вестник Европы. 1805. Ч. XXIV. № 22. Ноябрь. С. 151–154.

реже можем наблюдать порицание «произвола»⁶ или «насилий высокомерного Бонапарте»⁷, исходившее от российских авторов. Вместе с тем в журнале появилось немалое количество антинаполеоновских статей британского происхождения. В некоторых из них «корсиканец» хоть и достаточно деликатно, но обвинялся в развязывании войны и «похищении»⁸ власти во Франции⁹. Не отличались особой изобретательностью и эпитеты, характеризовавшие императора французов в стихотворной форме: «злостью воспаленный тиран», «безумец»¹⁰. Кончалось повествование о войне III коалиции на страницах «Вестника...» смелой формулировкой: «нетерпеливо ожидаем подробного описания о славной битве в Моравии при Австерлице между российско-австрийским и французским войсками. На первый случай для нас довольно и того, что <...> победа осталась на стороне русских <...>»¹¹. Нетрудно догадаться, что подобное описание на страницах журнала так никогда и не было опубликовано¹².

Чуть более репрезентативную картину представляет газетный материал. С одной стороны, количество информации, имевшей прямое отношение к Наполеону, в нем резко уменьшилось. Так, среди девяти декабрьских номеров «Московских ведомостей» рубрику «Из Парижа» содержал всего один. Те же сведения, которые доходили до русского читателя, имели преимущественно нейтральный характер. Как правило, они были посвящены военным¹³, чуть реже бытовым подробностям жизни императора французов и его семьи¹⁴. В частности, упоминалось путешествие «супруги Бонапартевой»¹⁵, подарок Наполеона Папе Римскому¹⁶ или открытие памятника генералу Дезе¹⁷. Весьма показательно описанное в самых положительных тонах анекдотичное «свидание

⁶ Изображение нынешнего состояния Франции // Вестник Европы. 1805. Ч. XXIII. № 17. Сентябрь. С. 62.

⁷ Известия и замечания // Вестник Европы. 1805. Ч. XXIV. № 22. Ноябрь. С. 154–155.

⁸ Хищения Наполеоновы // Вестник Европы. 1805. Ч. XXIV. № 23. Ноябрь. С. 230–231.

⁹ Ответ на нелепые статьи и клеветы, помещенные во французских журналах и газетах (Из Лондонск. ведомостей) // Вестник Европы. 1805. Ч. XXIII. № 18. Сентябрь. С. 136–142.

¹⁰ Стихи на победу русских над французами при Кремсе // Вестник Европы. 1805. Ч. XXIV. № 23. Ноябрь. С. 239.

¹¹ Известия и замечания // Вестник Европы. 1805. Ч. XXV. № 1. Январь. С. 77–78.

¹² Бордаченков И. А. Предисловие // Эпоха Наполеона: русский взгляд: в 4 т. Т. 2. М., 2015. С. 10.

¹³ Московские ведомости, 1805. № 77, 80, 81, 83, 84, 86, 88–95, 98–102; Санкт-Петербургские ведомости, 1805. № 79, 81–89, 90, 92–101, 103.

¹⁴ Московские ведомости, 1805. № 80. С. 2139; № 81. С. 2152; № 86. С. 2225; № 91. С. 2310; № 92. С. 2324; № 93. С. 2343; № 96. С. 2388; № 98. С. 2420; № 101. С. 2461; № 101. С. 2461; № 102. С. 2479; № 103. С. 2498.

¹⁵ С Майна, Ноября 23 // Московские ведомости, 1805. № 101. С. 2461.

¹⁶ Из Флоренции, Сентября 3 // Московские ведомости, 1805. № 89. С. 2139.

¹⁷ Из Парижа, Октября 4 // Московские ведомости, 1805. № 89. С. 2282.

Бонапарте» с «веселой и смелой девкой», окончившееся щедрым подарком со стороны императора французов¹⁸. Подобным духом была пропитана и помещенная в приложении к 98-ому номеру «Ода на прекращение военных действий...». Помимо поэтических призывов к завершению конфликта, она содержала и меткую характеристику его участников: французы признавались «надменными»; вышедшие из войны австрийцы — «неблагодарными» и «коварными»¹⁹. Наконец, сообщение об Аустерлице в «Ведомостях» представляло собой явное искажение действительности: констатацию отступления армии Наполеона и «чрезвычайно великого» урона «с обеих сторон»²⁰.

Очевидно, русское правительство делало основную ставку на стремительный разгром Великой армии в генеральном сражении. Пропаганде в данном случае отводилась вспомогательная роль. От нее требовалась борьба с дезинформацией и распространение положительных сведений о российской армии.

Поэтому в период войны III коалиции отношение русского общества к императору французов по-прежнему оставалось противоречивым. Несомненно, «ненависть к Буонапарте» возрастала уже по факту противостояния с ним на поле боя, что подтверждается дневниковыми записями современников²¹. С другой стороны, именно в это время начала свою активность пропагандистская машина государства. Впрочем, мы можем говорить лишь о зарождении антибонапартистского дискурса в России. Крупных сочинений на эту тему еще не было написано, а работа периодики представляется минимальной. На страницах газет и журналов наблюдалось некоторое непонимание целей войны, чувствовалась ее географическая отдаленность. Русское общество не было однородным в своем отношении к Наполеону. Та его часть, которая на момент начала конфликта презирала французского монарха, не имела единых политических убеждений.

До решающего поражения российско-австрийских войск при Аустерлице не вполне очевидной была необходимость пропаганды как таковой. Предполагалось, что свое дело сделает «гром победы» русского оружия, а возглавляемая царем армия сама по себе была «в бодром настроении»²².

В этой связи можно прийти к заключению о пестроте и гетерогенности

¹⁸ Из Доунаберта, Октября 9 // Московские ведомости, 1805. № 91. С. 2310.

¹⁹ Ода на прекращение военных действий с французами // Московские ведомости, 1805. № 98. Приложение.

²⁰ Из главной квартиры соединенных императорских российской и австрийской армий, Эцейтша, что в Моравии, декабря 3 // Московские ведомости, 1806. № 3. С. 36.

²¹ См. напр. *Жихарев С. П.* Записки современника. / Отв. ред. Б. В. Томашевский. М., 1955. С.91.

²² *Соколов О. В.* Аустерлиц: Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 гг.: в 2 т. Т. 2. М., 2006. С.3.

общественного мнения тех месяцев. Наполеон уже не был кумиром и образцом для подражания, однако он оставался выдающимся героем, война с которым для многих была лишь исторической случайностью, результатом «коварства» союзников России. Не стоит упускать из виду и тот факт, что русскому обществу были близки и понятны параллели с недавним прошлым. Ведь всего за шесть лет до описываемых событий император Павел I резко перешел от войны с Францией к фактическому с ней союзу²³. Подданные, не ознакомленные с геополитическими планами своего монарха, не могли исключать развитие подобного сценария и в 1806 г.

Между двумя конфликтами

Период с декабря 1805 г. по октябрь 1806 г. вполне может быть охарактеризован как «странная война». После выхода Австрии из противостояния Россия не имела более возможности прямого военного столкновения с Наполеоном по географическим причинам: отсутствовала общая сухопутная граница. В то же время император Александр желал продолжения конфликта, поэтому дипломатическими методами старался заручиться поддержкой «государств, которые отделяют» Россию от Франции²⁴. Этого удалось добиться в лице Пруссии, начавшей войну IV коалиции осенью 1806 г.

Таким образом, данный временной промежуток представляется нам отдельным этапом в процессе формирования российского общественного мнения.

Разумеется, известия о столь обескураживающем поражении, каковым была битва под Аустерлицем, все же дошли до русского общества и вызвали в нем соответствующую реакцию²⁵. Со стороны правительства самым логичным на нее ответом была попытка направить негодование российских подданных против императора французов как своего главного соперника на международной арене. Именно тогда стали активно появляться отечественные антинаполеоновские книги. Первой из них был «Наполеон Бонапарте и народ французский»²⁶, представляющий собой русский перевод мемуаров «свободного немца» Густава фон Шлабрендорфа. Данное сочинение — одна из немногих претендующих на объективность попыток описания консульства очевидцем событий тех лет, признававшим таланты правителя Франции²⁷. Впрочем, сам факт его перевода и активного распространения в дворянской среде объяснялся

²³ Там же. Т. 1. М., 2006. С. 57–63.

²⁴ Цит. по: Соколов О. В. Битва двух империй. М.; СПб., 2012. С. 136.

²⁵ Goetz R. 1805: Austerlitz: Napoleon and the Destruction of the Third Coalition. London; Mechanicsburg, 2005. P. 301.

²⁶ Шлабрендорф Г. Наполеон Бонапарте и народ французский / Пер. с нем.: в 2 ч. М.: 1806. Ч. I. 160 с. Ч. II. 182 с.

²⁷ Там же. Ч. I. С. 18, 26, 29.

наличием весьма серьезной критики правления Бонапарта с левых позиций. Автору были неприятны как тенденции к укреплению личной власти первого консула²⁸, так и восстановление им ряда дореволюционных порядков²⁹. Весьма скептически Шлабрендорф относился и к внешней политике Наполеона, называя ее «неблагоразумной системой»³⁰.

Другое произведение той эпохи, повествующее о Бонапарте — «Рассмотрение политических происшествий нынешнего времени...». Оно являло собой русскоязычную версию памфлета «Réflexion sur la France» («Размышление о Франции»), предназначенного для иностранной публики³¹. В значительной степени его стиль и концептуальное содержание повторяли тезисы предыдущей книги. Еще более явно здесь можно наблюдать обвинение Наполеона в деспотизме, агрессивной внешней политике и узурпации власти³².

Серьезное расширение идеологической базы отечественной пропаганды было ознаменовано памфлетом, посвященным судьбе герцога Энгиенского³³. Принц из королевского рода приобретал в нем черты мученика, а император французов клеймился особенно эмоционально: «чудовище», «адский гений»³⁴. В конце пассажа он и вовсе был предан родовому проклятию³⁵. Таким образом, критика Наполеона с правых позиций здесь впервые стала приобретать подчеркнуто религиозный оттенок.

Показательны и изменения, произошедшие на страницах периодической печати. Постепенный разворот от гибкости пропаганды к бескомпромиссной идеологической войне с Наполеоном наблюдался в «Вестнике Европы». Его ранние номера порой обсуждали возможность мира³⁶, либо даже перепечатывали прокламации самого Бонапарта³⁷. В более поздних выпусках внимание читателя акцентировалось на «опасностях» внешней политики Франции³⁸, «хищениях»³⁹ императора французов, названного «тираном» и

²⁸ Там же. Ч. I. С. 40.

²⁹ Там же. Ч. I. С. 63–64.

³⁰ Там же. Ч. II. С. 180.

³¹ *Сироткин В. Г.* Наполеон и Александр I... С. 379.

³² Рассмотрение политических происшествий нынешнего времени русским патриотом. СПб., 1806. С. 4–17.

³³ Историческое описание о Его Светлости принце Людвиге Антонии Генрихе, герцоге Энгиенском, расстрелянном по повелению Бонапарте в Винценском лесу в ночи с 21 на 22 число марта 1804 года / Пер. с нем. СПб., 1806. 36 с.

³⁴ Там же. С. 33.

³⁵ Там же. С. 35.

³⁶ Известия и замечания // Вестник Европы. 1806. Ч. XXV. № 2. Январь. С. 155.

³⁷ Прокламация от Наполеона Бонапарте к венским жителям // Вестник Европы. 1806. Ч. XXV. № 3. Февраль. С. 230–232; Другая прокламация к войску // Там же. С. 232–233; Известия и замечания // Вестник Европы. 1806. Ч. XXVI. № 5. Март. С. 76.

³⁸ Известия и замечания // Вестник Европы. 1806. Ч. XXV. № 4. Февраль. С. 211. Известия и замечания // Вестник Европы. 1806. Ч. XXVI. № 6. Март. С. 159; О состоянии политических

«рабом честолюбия»⁴⁰. Характерной стала идеологическая установка, отделявшая Наполеона от его подданных: «победы выгодны для Бонапарте, но разорительны для французов»⁴¹, он «не уважает никаких государств, не исключая Франции»⁴²; «он возвышается, Франция падает»⁴³. Наконец, правитель обвинялся и в потворстве иудеям, становившимся, по мысли авторов «Вестника...», агентами его политического влияния по всей Европе⁴⁴.

Газеты данного периода все еще занимали сравнительно умеренную позицию. При этом количество информации о Наполеоне и французских делах на их страницах с января по октябрь 1806 г. увеличилось примерно в полтора раза. Как правило, она сводилась к описанию частной жизни императора⁴⁵, его военных и дипломатических мероприятий⁴⁶. Однако если в первой половине года постоянными были рассказы о грядущем подписании мира⁴⁷, то осенью их место заняла враждебная Бонапарту пропаганда: от регулярной рекламы книги Шлабрендорфа за 3,5 рубля (написанной «не в сладком тоне для своего героя» — «величайшего похитителя и разрушителя»)⁴⁸ до воинственных стихов на продолжение противостояния с «тираном»⁴⁹. Похожую, но чуть менее яркую картину представляли и аналогичные «Санкт-Петербургские ведомости»⁵⁰.

В данной связи можем резюмировать, что указанный период являлся первым этапом полноценного действия отечественной пропаганды. Если во время войны III коалиции в мощных идеологических шпажках попросту отсутствовала необходимость (поскольку в ход были пущены шпаги стальные),

дел Европы в продолжение 1805 года и первых трех месяцев нынешнего // Вестник Европы. 1806. Ч. XXVIII. № 14. Июль. С. 122–140.

³⁹ Объявление от Лудовика XVIII французам // Вестник Европы. 1806. Ч. XXVI. № 5. Март. С. 66; Манифест короля Шведского // Вестник Европы. 1806. Ч. XXVII. № 12. Июнь. С. 304.

⁴⁰ Известия и замечания // Вестник Европы. 1806. Ч. XXVII. № 10. Май. С. 145–148.

⁴¹ О состоянии политических дел Европы в продолжение 1805 года и первых трех месяцев нынешнего // Вестник Европы. 1806. Ч. XXVIII. № 14. Июль. С. 145.

⁴² Там же. С. 135.

⁴³ О состоянии политических дел Европы в продолжение 1805 года и первых трех месяцев нынешнего (Продолжение) // Вестник Европы. 1806. Ч. XXVIII. № 16. Август. С. 291.

⁴⁴ Известия и замечания // Вестник Европы. 1806. Ч. XXIX. № 19. Октябрь. С. 233–234.

⁴⁵ Московские ведомости, 1806. № 4, 5, 7–14, 20, 28, 30–32, 33, 35, 39, 42, 43, 47–52, 58, 64, 66, 80, 82–86.

⁴⁶ Московские ведомости, 1806. № 5, 7, 8, 16–22, 24, 26, 31, 33–39, 41–45, 47–54, 62, 64, 74, 77, 79.

⁴⁷ Для этого имелись все основания. Наиболее последовательная попытка заключения мирного договора была предпринята в ходе посольства П. Я. Убри летом 1806 г. См. *Gontcharova T., Kerautret M. La paix manquée de juillet 1806 // Revue Napoléon. Paris, 2006. №27. P. 18–23.*

⁴⁸ Московские ведомости, 1806. № 80. С. 1527–1528. Та же реклама есть в № 84–88, 90, 92, 93, 94.

⁴⁹ Ода // Московские ведомости, 1806. № 73. Приложение.

⁵⁰ См. напр. Санкт-Петербургские ведомости, 1806. № 56, 58–65, 67, 71, 73, 76–81.

то теперь нужно было убедить российское общество в неизбежности продолжения конфликта с Францией. Этим обстоятельством обусловлено как общее повышение интереса к Наполеону, так и рождение первых идеологических конструктов, против него направленных. Как правило, они включали в себя либо критику императора французов с либеральных позиций, либо осуждение его экспансионистской внешней политики. Более того, согласно российской идеологической системе, необходимо было освободить не только Европу, но и саму Францию от «тирании Буонапарте». Впрочем, подобное отделение императора от его нации и государства было не свойственно всему русскому обществу. В частности, некоторые дневники современников одинаково негативно относились как к самим французам, так и к их предводителю⁵¹.

Следовательно, даже в условиях фактического отсутствия войны, запущенная в нужном направлении пропагандистская машина постепенно интенсифицировала свою работу, готовя общество к возобновлению конфликта.

Итак, резюмируя вышесказанное, можем прийти к следующим обобщениям и умозаключениям.

Коль скоро противостояние с Наполеоном самим государем определялось в качестве главного вектора внешнеполитического развития России той эпохи⁵², на карту было поставлено все. Сразу после «развенчания» культа консула Бонапарта, спонтанно сложившегося на рубеже XVIII–XIX вв.⁵³, российской монархией были предприняты первые попытки идеологической борьбы против императора французов.

Во время войны III коалиции эти попытки имели бессистемный характер и слабую организацию. Пропаганда тогда играла вспомогательную роль, а ее догматическая сущность сводилась к противопоставлению образа консула — завершителя революции образу императора — узурпатора ее достижений. Бонапарту посвящали нелюбезные произведения, выставлявшие его в негативном свете⁵⁴. Посему во время первого противостояния Александра I со своим французским «коллегой» преобладали либеральные пропагандистские тенденции⁵⁵, зародившиеся еще до начала конфликта. При этом однородного мнения общества на этот счет не существовало.

Вторая, выделенная нами стадия (между войнами III и IV коалиций) была

⁵¹ См. напр. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 годы. Второе изд.: В 4 т. Т. 2. СПб., 1836. С. 31.

⁵² Соколов О.В. Битва двух империй... С. 96–100; С. 137–152.

⁵³ Белов А. Н. От консула Бонапарта... С. 40–45.

⁵⁴ Напр. Хищения Наполеоновы // Вестник Европы. 1805. Ч. XXIV. № 23. Декабрь. С. 230–231.

⁵⁵ Белов А. Н. От консула Бонапарта... С. 48.

начальным этапом в развитии отечественного антинаполеоновского дискурса. В данный период резко увеличилось внимание к императору французов на страницах периодики, а также появились первые порицавшие его публицистические произведения. Основная критика Наполеона велась по-прежнему с республиканских позиций: предпринимались попытки противопоставить его революции, обособить от своих подданных, а также обвинить в несоответствии проводимой внешней политики государственным интересам Франции. Экспансионизм Бонапарта преподносился в самых негативных тонах, что было призвано побудить русское общество к участию в новом конфликте.

Вместе с тем российская пропаганда отличалась и политической изворотливостью. Она сочетала в себе такие черты, как гибкость, использование противоречивших друг другу концепций, активное их заимствование из стран Европы и искаженное представление исторических событий в выгодном свете, либо умолчание о них. Данные обстоятельства позволяют нам сделать вывод о прямой зависимости отечественной периодики и публицистики от воли правящего монарха. По мере развития противостояния менялась и пропагандистская повестка, а вместе с ней и настроения русского общества.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Belov A. N. Ot konsula Bonaparta k imperatoru Napoleonu: vzgljad iz Rossii [From Consul Bonaparte to Emperor Napoleon: view from Russia], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary History]*. 2023. № 23 (2). P. 10–24. (In Russian)

Белов А. Н. От консула Бонапарта к императору Наполеону: взгляд из России // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2023. № 23 (2). С. 37–49.

Bordachenkov I. A. Predislovie [Preface], in *Jepoha Napoleona: russkij vzglyad [The Age of Napoleon: Russian view]*. V. 4 t. T. 2. Moscow: Centr knigi Rudomino, 2015. P. 7–15. (In Russian)

Бордаченко И. А. Предисловие // Эпоха Наполеона: русский взгляд: в 4 т. Т. 2. М.: Центр книги Рудомино, 2015. С. 7–15.

Goetz R. 1805: Austerlitz: Napoleon and the Destruction of the Third Coalition. London: Greenhill; Mechanicsburg, PA: Stackpole Books, 2005. 368 p.

Gontcharova T., Kerautret M. La paix manquée de juillet 1806 // *Revue Napoléon*. Paris. 2006. № 27. P. 18–23.

Sirotkin V. G. *Napoleon i Aleksandr I. Diplomacija i razvedka Napoleona i Aleksandra I v 1801–1812 gg. [Napoleon and Alexander I. Diplomacy and intelligence of Napoleon and Alexander I in 1801–1812]*. Moscow: Eskmo Publ., 2003. 416 p. (In Russian)

Сироткин В. Г. Наполеон и Александр I. Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М.: Изд-во Эскмо, 2003. 416 с.

Sokolov O. V. *Austerlic. Napoleon, Rossija i Evropa. 1799–1805 gg. [Austerlitz. Napoleon, Russia and Europe. 1799–1805]*. V 2 t. Moscow: Rus. impul's, 2006. T. 1. 320 p. T. 2. 240 p. (In Russian)

Соколов О. В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа. 1799–1805 гг. В 2 т. М.: Рус. импульс, 2006. Т. 1. 320 с. Т. 2. 240 с.

Sokolov O. V. *Bitva dvuh imperij 1805–1812 [Battle of Two Empires]*. Moscow: Astrel'; St-Petersburg: Astrel'-SPb, 2012. 730 p. (In Russian)

Соколов О. В. Битва двух империй. 1805–1812. М.: Астрель; СПб., 2012. 730 с.

Zharinova D. A. *Pervye vojny s Napoleonom i russkoe obshhestvo [The First Wars with Napoleon and Russian Society]*, in *Otechestvennaja vojna i Russkoe obshhestvo [The Patriotic War and Russian Society]*. V 7 t. T. 1. Moscow: Tovarishhestvo I. D. Sytina, 1911. P. 198–212. (In Russian)

Жаринова Д. А. Первые войны с Наполеоном и русское общество // Отечественная война и Русское общество: в 7 т. Т. 1. М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1911. С. 198–212.